

Княгиня Голицына, разлейте вина!

История удивительной женщины из Крыма, ставшей первой виноделицей империи

Одна любознательная иностранка, путешествовавшая в 1830-е гг. по югу России, записала в дневнике: «Сказывают, при графе Воронцове Крым расцвел. Теперь там все разводят виноградники и делают вина. В сем предприятии участвуют даже русские дамы. И первая среди них — madame Galitzine». Иностранка имела в виду Анну Сергеевну Голицыну, урожденную Всеволожскую. Эту княгиню и ученую хорошо знали не только в России, но и в Европе. В своем крымском поместье Кореиз она делала отличные вина и была в этом искусстве первой среди русских дам.

Княгиня-амазонка

Уже в юности Анна вела себя странно. Одевалась необычно, немного на мужской манер, пренебрегала балами и светским протоколом, много читала, интересовалась философией, религией. В 22 года написала книгу «Образец для детей, или Жизнь маленького графа Платона Зубова». О замужестве не помышляла, но родственники и светские приличия оказались сильнее ее железной воли. Анне пришлось выйти замуж. Ее избранником стал князь Иван Александрович

Голицын, вертливый балагур. Ничего не имея за душой, он был чрезвычайно рад поправить браком денежное положение.

В качестве подарка князь получил от невесты портфель, набитый деньгами и ценными бумагами. Фраза Голицыной, сопровождавшая подношение, кочует из одних мемуаров в другие: «Здесь половина моего состояния. Возьмите его себе. И теперь все кончено меж нами». Голицын вприпрыжку понесся в Париж, где вторично и уже по любви женился на певичке де-Лоран, превратился в сумасшедшего бретера и приобрел кличку «Jean de Paris», «Парижский Иван».

Анна осталась в Петербурге и сблизилась с князем Крюденером, авантюристом, писательницей-роповедницей. Крюденер отчетливо ви-

дела будущее, но была парадоксально недалеко-видной. Намекала на то, что идея «Священного союза» принадлежит не русскому императору, а ей. Говорила, как устроить будущее Европы и России. И даже призывала к войне за освобождение Греции. Все это публика запоминала и доводила до сведения императора. В 1822 г. Александр I запретил мистические собрания. Крюденер и ее приспешница Голицына оказались в опале.

Как раз в это непростое время чиновник и талантливый ученый Франц Берггейм, женатый на дочери Крюденера, пытался реализовать проект устройства на дикуватом Южном берегу Крыма сельскохозяйственной колонии. О проекте знали при дворе, но хода не давали. Нужна была монаршая немилость и железная воля «княгини-амазонки», чтобы идея получила воплощение. Вместе с иностранными садовниками, виноделами и бочарами опальные дамы, Голицына и Крюденер, отправились в Крым. Непростое путешествие длилось около полугода — с весны по осень 1824 г. Крюденер, сильно болевшая еще в столице, в декабре скоропостижно скончалась в Карасубазаре. Голицына благополучно добралась до имения Кореиз, которое она недавно приобрела и хотела превратить в центр виноделия. К счастью, ее начинания поддержал всемогущий сосед.

*1

Княгиня Анна Сергеевна Голицына. Литография.

*2

Сорт винограда рислинг, из которого княгиня Голицына делала вина. Иллюстрация из ботанического атласа XIX в.

«Великое русское вино»

Всемогущим соседом княгини был граф М.С. Воронцов, Новороссийский генерал-губернатор, владелец имения Алупка, расположенного рядом с Кореизом. Воронцов мечтал преобразить Крым. Он видел в полуострове большой потенциал. Граф планировал в будущем создать здесь «великое русское вино», которое станет достойным конкурентом бордосским и бургундским напиткам.

После своего назначения на пост Новороссийского генерал-губернатора он приехал на полуостров с инспекцией. Нашел, что местные дороги никуда не годились и необходимо в короткий срок построить новые. К своему удовольствию и гордости он обнаружил превосходные, хотя и полудикие, виноградники — сильные, многовековые, принадлежавшие татарам, а также молодые лозы, привезенные из-за границы иностранцами и русскими аристократами. Особенно сильное впечатление произвели на него саженцы Андрея Бороздина, владельца имения Кучук-Ламбат, и экспериментальный виноградник Христиана Стевена в Симферополе. Но масштабы посадок следовало увеличить в разы, — Воронцов хотел заставить всю Россию говорить о крымском чуде, великом русском вине. Генерал-губернатор приобрел имения Массандра, Алупка, Гурзуф и Айданиль. Выписал лучшие европейские лозы, пригласил европейских ботаников, виноградарей и бочаров, вложил много собственных средств и получил поддержку Александра I. В 1823 г. почти все Южнобережье превратилось в один большой цветущий виноградник — высадили 4 миллиона лоз³.

При поддержке Воронцова расцвел Императорский ботанический сад в селе Никита. Помимо оливковых, плодовых, шелковичных, ореховых деревьев, кустарников, растений и трав, здесь были собраны более 600 самых породистых сортов винограда. Здесь были «пино нуар», «пти вердо», «рислинг», «мальбек», «мерло», «темпранильо», «траминер», «токай», а также множество местных сортов с замысловатыми татарскими названиями: «балабан-шабаш», «терпомлек», «курт-куйрук», «уста-мемет»... В 1825 г. неутомимый граф основал Компанию для продажи крымских вин, чтобы с ее помощью сделать напиткам самую широкую рекламу и привлечь

³
Кореиз — имение княгини Голицыной. Литография по рисунку Н.Г. Чернецова, 1834-1836 гг.

⁴
Баронесса Юлия Крюденер. Гравюра XIX века.

внимание взыскательной столичной публики. Под маркой Компании в Судаче открыли большой винный склад, а в Симферополе организовали торговлю.

Пример графа Воронцова вдохновил аристократов. До 1823 г. в Крыму была всего партия помещиков-виноделов. После того как граф приобрел имения и объявил о начале винного предприятия, сюда потекли русские дворяне. К 1837 г. виноделием здесь уже занимались 105 помещиков. Этим занятием увлеклись великосветские дамы и добились больших успехов. В 1836-1837 гг. Наталья Нарышкина делала в своем имении в Симеизе около тысячи ведер вина в год, госпожа Шипилова — 1500 ведер⁴. Внучка легендарного полководца А.В. Суворова, Варвара Аркадьевна Башмакова (урожденная Суворова), производила в имении Мшатка целых 2100 ведер⁴.

Но почти все современники отмечали, что лучшее вино, сравнимое с бордосским, делала в своем Кореизе княгиня Голицына.

«Дети мои»

Голицына, как и ее сосед Воронцов, мечтала о великом русском вине. Неспешно, метр за метром, смета за сметой, с мужским упорством и женским лукавством она двигалась к своей мечте. Тратила много денег, сил и времени на виноградники. Пестовала, лелеяла их, называла по-матерински «дети мои». «Ничего не хочу знать, кроме виноградника и оливок, оставляю письма из Петербурга нераспечатанными. Тысячу раз в день благословляю милосердие Божие, которое привело меня в этот счастливый берег», — писала она Воронцову⁴. Граф покровительствовал ее начинаниям

и снабжал саженцами из собственных виноградников. Голицыной помогал и другой ее сосед, Николай Гартвис, директор Императорского Никитского ботанического сада. Он любил Анну Сергеевну, продавал и дарил лучшие саженцы и в ее честь назвал одну из выращенных им гибридных роз. Княгиня в долгу не оставалась и в письмах Воронцову то и дело просила графа помочь «славному и неутомимому» Гартвису звонкой монетой.

К концу 1820-х гг. Анна Сергеевна стала хозяйкой большого ценного виноградника в почти 30 тысяч лоз. Здесь были «бордо», «мускат», «пино-нуар», «траминер». Хорошо рос и более редкий для Южного берега «пти-нуар» — красный сорт винограда. В самом начале 1800-х гг. его привез на полуостров коммерции советник Вильгельм Рувье, французский политический эмигрант и предприниматель. Убедив императора Александра I отдать ему в аренду бесхозные пустынные земли, он организовал там оварни, а под Судакон высадил лозы, привезенные им из Малаги. Но почвы оказались неподходящими, и он попробовал удачу в Ласпи, ведь те места очень напоминали предместья Ниццы, где сорт неплохо рос. Первые результаты были превосходными. Вскоре виноградники в Ласпи сравнивали с прованскими и малагскими. Вина действительно получались, выдержанными, полнотельными, ароматными, почти ликерными.

«Пино-флери» княгини Голицыной тоже был родом из Испании. Так в Крыму эпохи Воронцова называли красный сорт винограда «мурвед» с древней историей и высокой урожайностью. В Крым его завезли прованские виноградари в начале XIX века. Он хорошо прижился и разросся по всему Южному берегу. Впрочем, вино из него получалось невысокого качества. Рекомендовалось смешивать его с бордосскими и бургундскими сортами.

Анна Сергеевна очень гордилась своим «рислингом». Скорее всего, получила его из сада Гартвиса, в котором росли около 4 тысяч кустов этого сорта. Гартвис ставил «рислинг» выше всех прочих немецких лоз и отзывался о нем весьма высоко: «Великолепный сорт. Самый известный по деланию из него лучших рейнских вин, Иоганнисбергского и других, занимает первое место между сортами столовых вин»⁵.

Были у нее лозы асмангаузенского винограда (он же — «клебер»), старого породистого со-

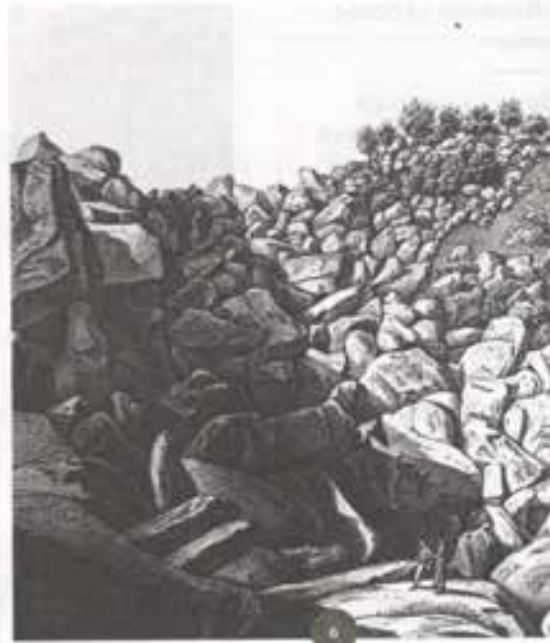

5

Е. Ботман. Портрет М.С. Воронцова. 1861 г.

6

Ф. Дюбуа де Монпере. Диабловый кратер и сады графа М.С. Воронцова в Алушке. 1832-1834 гг.

рта из долины Райнгау. Считается, что этот сорт выведен на основе бургундского «пино-нуар». Асмангаузенские лозы появились в Судак в начале XIX в. благодаря ученому П.С. Палласу, который в 1804 г. стал директором Крымского училища виноделия. Первые посадки дали хорошие результаты, виноград прижился. В 1820-е годы его перевезли на Южный берег Крыма, высадил в Никитском саду и в нескольких русских имениях, в том числе у княгини Голицыной.

В Корсизе выращивали и местные сорта. У Анны Сергеевны были лозы «кокура», появившегося в районе Судак в античности. На жирных богатых почвах он давал превосходный урожай. Голицына делала из него красное плотное вино, довольно крепкое, на любителя.

Голицына явно вошла во вкус. Из Германии и Франции выписала опытных бондарей, виноделов, погребщиков, а также все то, что требовалось для качественного производства вин. Средства не жалела, и выходило много толка. Ученый Петр Кенпен сообщал о результатах: «В сем году (1831 г. — Авт.) Асмангаузенский виноград давлен был уже 20 августа. В начале сентября месяца началась давка Бордосского винограда и так называемого petit-noir. После всех прочих сортов давлен был pineau fleuri»⁶.

«Императорская винопродавица»

Виноградари, работавшие у Голицыной, использовали новейшие французские и немецкие методы. Собранные гроздья они «эграпажировали», то есть отделяли ягоды от кистей с помощью особой кадки с решеткой, выписанной из Германии. Затем производили «пижаж» — ягоды засыпали в чаны до половины, плотно закрывали крышками и ежедневно рано утром перемешивали специальными колотками, чтобы масса бродила равномерно. Через 10-12 дней ее сливали в при-

готовленные бочки с небольшими металлическими трубками, соединенными с резервуаром, наполненным водой. Пока вино бродило, из трубок в воду поступал газ. Когда брожение заканчивалось, служители доливали бочки до верха, закупоривали и затем еще несколько раз переливали вино до тех пор, пока оно не переставало мутнеть. Затем очищали напиток при помощи яичных белков (из соотношения 2 белка на 5 ведер вина). Лишь после всех этих процедур напиток был готов к розливу в бутылки.

Выдерживали вина в специально оборудованных подвалах. Швейцарский архитектор Карл Эшлиман выстроил такой подвал на нижней площадке имения Кореиз. Ученый Петр Келпен, зорко следивший за развитием винного предприятия княгини, сообщал: «Погреб в Хураизе (Кореизе. — Авт.) строится с начала весны, для свода коего ноздреватый камень доставляется из Феодосии, и погреб сей, устраиваемый над магазином, обойдется тысяч в 16 или 18 рублей»⁷.

Хозяйка Кореиза осталась погребом довольна — вместительный, удобный, с постоянной равномерной температурой, что важно для качественной выдержки вин. Внешне он выглядел эффектно — каменный, в форме латинского креста, с двумя башенками, гости его сравнивали с готическим замком. Это льстило Анне Сергеевне, увлекавшейся средневековьем и мистикой.

Была еще одна проблема, которую княгиня пыталась разрешить, — рынок сбыта. В первые годы она могла продавать свои выдержанные красные вина лишь в Харькове. В 1831 г. реализовала 120 ведер по 22 рубля каждое. Неплохо для начала, но хотелось большего. Ей, как и Воронцову, мечталось завоевать крупные рынки — Москву и Санкт-Петербург. И она неустанно хлопотала об этом — писала влиятельным друзьям, слала прошения в Министерство юстиции и лично на имя императора. С помощью Воронцова

и А.Н. Голицына она получила, наконец, разрешение торговать в Москве и «выставлять на погребках, всюду, где будет производиться продажа, вывеску Императорской винопродавицы вин Южного берега Крыма»⁸.

В 1834 г. она получила 1400 ведер вина⁹. В следующем году — 1200 ведер, в том числе Рислинга 200 ведер, Муската — 40 ведер, Бордо — 20 ведер¹⁰.

Однофамилец-продолжатель

Княгиня верила, что через 10–15 лет добьется желаемого признания своих вин в России и за рубежом. К сожалению, ее мечта не осуществилась. Анна Сергеевна скоропостижно скончалась в 1838 г. Амбициозное винное предприятие графа Воронцова тоже сошло на нет. В Крыму продолжали создавать хорошие напитки, но из-за удаленности от промышленных и торговых центров, отсутствия путей сообщения и каботажного судоходства они лишь частично попадали на крупные рынки и не могли конкурировать с хорошо известными европейскими марками.

Человеком, возродившим местное виноделие, стал однофамилец Анны Сергеевны — князь Лев Сергеевич Голицын. Теперь его имя хорошо известно. Ему поставлен памятник, о нем сняты несколько документальных фильмов. Есть музей, функционируют знаменитые голицынские погребки. От богатейших виноградников Анны Голицыной не сохранилось ничего. Ее погреб в начале XX века серьезно перестроили, и теперь он именуется «Винным подвалом Юсуповых» в честь бывших владельцев. Кореизская усадьба и могила княгини утрачены. Об «императорской винопродавице» теперь помнят лишь немногие историки. И это несправедливо, ведь и она, и Петр Паллас, и Николай Гатвис, и граф Михаил Воронцов были истинными зачинателями крымского виноделия и благородной патриотической идеи «великого русского вина».

*7

Виноградари за сбором урожая. Рисунок начала XIX в.

⁷ Баллас М. Виноделие в России. Историко-статистический очерк. СПб, 1895. С. 17.

⁸ Стевен X. Обзорение успехов шелководства, садоводства и виноделия в полуденных губерниях России (за 1836–1837 гг.) // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Т. XXII. Ч. 3. С. 469–471.

⁹ Там же. С. 470.

¹⁰ Фадеева Т. Южный берег русской аристократии. Из истории освоения крымского Южного берега 1820-х–30-х гг. в неопубликованных письмах княгини

А. С. Голицыной Александру I, М. С. Воронцову и др. лицам. М., 2016. С. 59.

⁸ Гатвис Н. А. Обзор действий Императорского Никитского сада и Магарачского училища виноделия, составленный СПб, 1855. С. 33.

⁹ Келпен П. Об успехах виноделия на Южном берегу Крыма // Журнал Министерства внутренних дел. 1831. Кн. 6. С. 165.

¹⁰ Там же. С. 166.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XVII. № 1650.

⁸ Стевен X. Обзорение успехов шелководства, садоводства и виноделия в полуденных губерниях России (за 1834–1835 гг.) // Журнал Министерства внутренних дел. 1835. Т. XX. № 2. С. 301.

¹⁰ Стевен X. Обзорение успехов шелководства, садоводства и виноделия в полуденных губерниях России (за 1835–1836 гг.) // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. Т. XX. № 4. С. 46.